

Wiera Andriejczuk

Польская тема в "Балтийском филологическом курьере"

Acta Polono-Ruthenica 15, 153-164

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Wiera Andriejczuk
Kaliningrad

Польская тема в „Балтийском филологическом курьере”

В июне 2010 года ровно десять лет исполнилось „Балтийскому филологическому курьеру” – научному журналу по проблемам современной филологии, издаваемому факультетом филологии и журналистики РГУ им. Иммануила Канта. Инициатором создания и бессменным главным редактором этого журнала является Владимир Иванович Грешных – известный филолог, научные интересы которого связаны с изучением проблем немецкого и европейского романтизма, вопросов художественного мышления в русской и зарубежной литературе XIX-XX вв. В адресованном, как можно прочесть на последней стороне обложки каждого номера, „студентам, аспирантам, преподавателям филологических специальностей университетов” „Балтийском филологическом курьере” (далее – БФК) затрагивается широкий круг литературоведческих и лингвистических вопросов. В семи номерах, увидевших свет с июня 2010 года, содержится огромное количество интереснейшего материала, как исследовательского, так и рецензионного характера.

Учитывая географическое положение Калининградской области, тесные научные связи и взаимную заинтересованность, существующую между учеными области и их заграничными коллегами, особенно из сопредельных государств, нет ничего удивительного, что ни один номер БФК не обошелся без статей, посвященных польской литературе. Немаловажной причиной этого является уже упомянутая географическая близость и возможность ведения активного научного обмена. Крайне значимым фактором, актуальным для всех славянских литератур, является и тот фактор, который Адам Мицкевич – фигура для польской литературы символическая – назвал в парижском курсе лекций восприимчивостью славянских народов к Слову. Что же касается непосредственно польской и русской литератур – обе развивались в таком тесном контакте и так часто становились друг для друга взаимным источником вдохновения, что

это не могло не отразиться на частом обращении русских исследователей к литературе нашего славянского собрата.

Несомненно, не вся польская литература в одинаковой мере обращает на себя внимание наших филологов. При попытке ответить на вопрос о приоритетной для калининградских литературоведов тематике обзор опубликованных в *БФК* статей, посвященных польской литературе, представляется крайне информативным.

Первый же номер *БФК* (изданный, как мы уже отмечали, в 2000 году) содержит статью – анонс кандидата филологических наук, доцента кафедры зарубежной литературы РГУ им. И.Канта Леонида Алексеевича Мальцева под названием *Мицкевич вновь заговорил по-русски*. В ней Л.А. Мальцев – знаток и горячий поклонник творчества поэта – знакомит нас с выпущенной в том же году книгой стихотворений „польского пророка” *Слышу жизни зов*, в переводах профессора кафедры истории русского языка РГУ им. И. Канта Розы Васильевны Алимпиевой. Характеризуя последнюю как талантливого и тонкого переводчика, а также самобытного поэта, и очерчивая круг исследовательских интересов профессора Р.В. Алимпиевой, автор статьи особое внимание уделяет её переложениям Мицкевича. Говоря о них, Л.А. Мальцев обращает наше внимание на такие неоспоримые добродетели переводчика, как семантическая ёмкость переводов и умение речевыми средствами не просто передать суть поэтического произведения, но и его атмосферу, состояние души поэта.

Несколько позднее очень важный, не всегда, к сожалению, осознаваемый начинающими переводчиками фактор, отмечает в качестве еще одного залога успеха профессор кафедры зарубежной литературы РГУ им. И. Канта Владимир Иванович Грешных во вступительном слове к подборке стихов польских авторов (*БФК* № 6) в переводе Р.В. Алимпиевой. Этот фактор – неотделимость интереса к творчеству писателя от интереса к его жизни, эпохе, той культуре, на почве которой возшел его талант. „Адам Мицкевич писал в духе своего времени, и перевести его так, чтобы читатель поверил, что перед ним именно Мицкевич, а не поэт XX века – это настоящее искусство”, пишет В.И. Грешных, отдавая, помимо всего прочего, дань и великолепному владению Р.В. Алимпиевой родным языком. Сорок пять стихотворений – панорама долгого пути польской поэзии от Адама Мицкевича до К. Галчинского и М. Павликовской-Ясножевской – являет собой превосходный образец отмеченного как В.И. Грешных, так и Л.А. Мальцевым мастерства переводчицы, ее умения чувствовать

и доносить до читателя особый эмоциональный фон стихотворения, *genius loci*, сохранять индивидуальный стиль поэта.

Появившись один раз в статье Л.А. Мальцева, фигура Адама Мицкевича не сходит со страниц БФК. Самому известному его творению посвящена опубликованная в пятом номере журнала (2005 год) статья кандидата филологических наук, профессора РГУ им. И. Канта Л. Дарьяловой и старшего преподавателя Калининградского пограничного института ФСБ РФ Е. Плугатырь под названием *Интертекстуальные мотивы в дискурсе свой/чужой в поэме А. Мицкевича „Пан Тадеуш”*. Авторы анализируют способы введения в текст „энциклопедии польской жизни” интертекстуальных форм и знаков, выделяя два основных пути. Первый – интертекст как „чужое слово”, имеющее четко обозначенные поэтом границы и маркировку „инаковости”, отделяющие его от „своего” пространства поэмы, вследствие чего интертекст легко распознается читателем; и второй – интертекст как „чужое” трансформированное языково или стилистически, врастающее в текст поэмы; при этом читатель „реагирует на претекст [...] и на новый текст, обогащенный претекстом”¹. В результате процесса синтеза „своего” и „чужого”, в точке их соприкосновения, возникает своеобразный метауровень текста. Этот метатекст, в котором сливаются „идеальность классики, субъективно-творческие устремления романтизма и объективно-аналитические тенденции реалистического изображения”², придает поэме, как характеризуют это авторы статьи, метафизическую и даже христианскую значимость через реализацию нового, не разделяющего, а объединяющего принципа.

Авторы представляют вниманию читателей внушительный список источников интертекстовости в *Пане Тадеуше*. Это национальная история (преимущественно те её эпизоды, которые связаны либо со временами великой Речи Посполитой „от моря до моря”, либо с патриотической борьбой за независимость страны), польский народный фольклор, общеславянский фольклор, общеевропейское культурное наследие, религиозные мотивы, греко-римская мифология, художественные тексты как польских, так и русских писателей. Каждая из перечисленных категорий источников служит в *Пане Тадеуше* для реализации одной, реже двух конкретных целей. Так, вместе с историческими интертекстами

¹ Л. Дарьялова, Е. Плугатырь, *Интертекстуальные мотивы в дискурсе свой/чужой в поэме А. Мицкевича „Пан Тадеуш”*, „Балтийский филологический курьер” 2005, № 5, с. 209.

² *Ibidem*, с. 230.

в поэму входит героико-патриотический аспект; библейские интертексты выражены в лирическом дискурсе поэмы и являют собой, по словам авторов статьи, „опорные истины и принципы существования страны и ее поэта”³ и т.д.

Одним из ключевых моментов статьи является проблема степени влияния на Адама Мицкевича творчества А.С. Пушкина. Точка зрения авторов статьи по этому вопросу является весьма корректной. Ими признается интерес „польского пророка” к творчеству нашего великого поэта, тот факт, что А. Мицкевич высоко оценивал поэму *Евгений Онегин*, а также определенное влияние, которое творческий метод А.С. Пушкина оказал на Мицкевича. Не зря в отдельную группу интертекстов авторы выделяют так называемые „пушкинские”, реализующиеся как через прямые цитаты, так и через реминисценции из *Евгения Онегина*. Однако, при этом, Л. Дарьялова и Е. Плугатырь придерживаются мнения о самостоятельности двух поэтов, притом, что, „контактируя в художественной сфере”, оба воплощали „общую тенденцию времен и поворот к реализму”⁴.

В том же номере БФК эстафетную палочку интертекстовости принимает доктор филологии Подляской академии (Польша) Р. Бобрык в статье под названием *Много лет тому назад, то есть сейчас... Об истории и мифе в творчестве Збигнева Херберта*. Не желая утомлять читателя пересказом известных фактов, касающихся увлеченности З. Херберта античностью и европейской культурой, мы перейдем к ответу на основной вопрос, который ставит перед читателями Р. Бобрык: каковы были причины ввода многочисленных исторических и античных мотивов в произведения „поэта культуры”?

Эпиграф к статье, в качестве которого Р.Бобрык использует слова самого З. Херберта, дает нам крайне прозрачный намек на то, каким будет ответ. „В истории ничто не завершается окончательно”. Итак, первая и основная роль, которую играют исторические и мифологические интертексты в поэзии Збигнева Херберта – стремление автора показать связь между прошлым и настоящим, повторяемость истории в новых реалиях и с новыми нюансами, не-линейность времени. История, по словам Р. Бобрыка, „не является для Херберта чем-то закрытым, окончанным и далеким [...]”. Современность находит свое объяснение в истории,

³ Ibidem, с. 212.

⁴ Л. Дарьялова, Е. Плугатырь, *op. cit.*, с. 223.

а история имеет свое продолжение в современном мире”⁵. Это не только констатация факта, но и своеобразное *memeto mori*, предостережение живущим в настоящем.

Реализации обозначенной выше доминантной цели способствует использование таких приемов, как помещение мифологических героев в современных реалиях (поэтическая проза *Отсутствие узла*), смена временных перспектив, когда о событиях прошлого говорится с использованием настоящего времени, и наоборот; повествование о событиях прошлого от третьего лица (свидетеля давно минувших событий, существующего, однако, в реальном времени) и т.д. К таким приемам относится также параллелизм в описании событий прошлого и настоящего. Р. Бобрык обращает наше внимание на то, что если в некоторых произведениях аналогия между прошлым и настоящим, мифом и действительностью четко видна за счет представления обоих временных планов (*О Трое*), то в других – „событие прошлого [...] единственная тема”, а связь между прошлым и настоящим „в некоторых случаях определяется внешним контекстом”⁶ (*Дело Самоса*). Подобные своеобразные аллюзии, по нашему мнению, интересны еще и тем, что являются отражением литературного протеста против существующей на тот момент политической обстановки. (*Дело Самоса, Защита тамплиеров*).

В центре внимания двух следующих „польских” статей, опубликованных в БФК № 5 (2005) и № 7 (2009), под названиями *В. Гомбрович и В.В. Розанов: борьба с формой* и *От экзистенциализма Шестова к постэкзистенциализму Гомбровича* соответственно, и принадлежащих перу Леонида Алексеевича Мальцева, находится уже не только сам польский писатель и его творчество, но писатель в соотношении с русской литературной традицией.

В первой статье Л.А. Мальцев раскрывает перед нами приемы и суть борьбы с формой В. Гомбровича и В. Розанова, стараясь определить место их произведений в так называемом „автобиографическом треугольнике”⁷, и в рамках этого анализа приходя к выводу об „исповедальном” характере сочинений Розанова и относя *Дневники Гомбровича*

⁵ Р. Бобрык, *Много лет тому назад, то есть сейчас... Об истории и мифе в творчестве Збигнева Херберта*, „Балтийский филологический курьер” 2005, № 5, с. 320.

⁶ Ibidem, с. 313.

⁷ Теория, сформулированная Малгожатой Черминьской, согласно которой „человеческий документ” (или, в польской традиции, „личный документ”) состоит из „литературы свидетельства”, „литературы исповеди” и „литературы вызова”.

к литературе „вызова”. Анализируя жанровую и стилистическую общность писателей, Л.А. Мальцев приходит к выводу об её источнике как потребности обоих авторов создать форму, „которая по возможности стала бы отрицанием самой формы при максимальной свободе высказывания”⁸. Этой цели служит, прежде всего, образ автора и авторское самовыражение в оценках и самооценках.

Л.А. Мальцев выделяет три позиции, занимаемые авторами. В соответствии с приведенной классификацией, это, во-первых, „аутсайдер” (находящий свое отражение в эпатировании читателя, создании себе дурной славы – нередко, мнимой, и признании своих комплексов, в том числе, комплекса ненужности). Следующий образ – амплуа „пророка”, выражающееся двумя путями. Это может быть „пророчество” ироническое, либо вполне серьезное, „ниспровержение кумиров общественного мнения”⁹.

Данная функция, по нашему мнению, приобретает особое значение в свете исторического и литературного польского „миссионерства” (путь, оказавшийся тупиковым для Польши и ее народа), о чем, впрочем, упоминает сам В. Гомбрович, и на что Л.А. Мальцев не может не обратить внимания: „Сто лет тому назад литовский поэт выковал форму польского духа, сегодня я, Моисей, вывожу поляков из несвободы этой формы”¹⁰.

О последнем авторском образе – „юродивом” – Л.А. Мальцев повествует в контексте „юродства” как феномена культуры. Образы „юродивого” или „шута” рассматриваются им как традиционно неприкосновенные носители и трансляторы правды, с тем, что автор обращает наше внимание на различный – „целиком светский” у Гомбровича и „полностью церковный” у Розанова – характер „лицедейства” писателей.

С юродством неразрывно связан мотив „наготы” („не фактической, а словесно выраженной”), которая „выступает демонстративным отрицанием, игнорированием ненавистной «формы»”¹¹. Нагота означает общение с читателем накоротке, отказ от более высокой позиции писателя в „табели о рангах” (впоследствии В. Шаламов скажет: „Писатель, автор, рассказчик должен быть ниже вех, меньше всех”). Это и бунт против

⁸ А. Мальцев, *В. Гомбрович и В.В. Розанов: борьба с формой*, „Балтийский филологический курьер” 2005, № 5, с. 303.

⁹ Ibidem, с. 307.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem, с. 309.

печатной формы (Розанов), ограничивающей свободу творца (автор статьи упоминает розановское противопоставление печатного станка Гуттенберга, „убившего индивидуальность” предельной искренности рукописных текстов).

Искренность и наивность, „нагота”, присущи как „юродивому”, так и ребенку. Утверждение автора статьи о том, что „над юродским или шутовским поведением тяготеет комплекс неполноценности, какой-то детскости ума”, подкрепленное цитатами из В. Гомбровича и В. Розанова, представляет собой один из краеугольных камней следующей статьи (БФК 2009, № 7) *От экзистенциализма Шестова к постэкзистенциализму Гомбровича*.

Здесь вновь появляется мотив „детскости”, „незрелости”, которая приравнивается к наивности дикаря. В качестве иллюстрации и разъяснения определения „дикарства” в данном контексте, Л.А. Мальцев приводит цитаты из книги философских фрагментов *Анофеоз беспочвенности* Шестова, в которой философ пишет о „дальних улицах жизни”, обитатели которых ближе всего стоят к философии. Философия понимается здесь не как логика, а как „искусство”, и своим беспокойным бродяжническим поиском при почти полном отсутствии комфорта обитатели „окраин” вполне могут потеснить удобную философию „центров”. Размышляя над этим утверждением, мы не можем с ним не согласиться. Как нам кажется, та философия, которая не „снимает” вопросы бытия, а пытается найти на них ответ, важность которой направлена не внутрь, на саму себя, а во внешний мир, возможна лишь в процессе постоянного поиска, развития и при наличии умения выйти в своем взгляде на мир за рамки традиционности (вспомним диалог Гомбрович-Розанов). А на это, по мнению Шестова и Гомбровича, на которое указывает нам Л.А. Мальцев, в достаточной степени способны „дикари” и „дети”. В этом, кстати, можно усмотреть и причину зарождения самобытных и бунтарских взглядов на философию и литературоведение именно у славянских народов – „дикарей”, „младших братьев” европейской цивилизации, блоковских „скифов”.

Анализируя экзистенциализм Гомбровича, Л.А. Мальцев наблюдает такое существенное его отличие от „сартровского” экзистенциализма Шестова, как отсутствие концепции „философии одиночества”, признание Гомбровичем возможности освоиться среди людей. Осознание форм-стереотипов, сложившихся между людьми, дает, по Гомбровичу, редкую и ценную возможность по желанию сливаться с „другими”, не теряя себя,

или же обособляться, не теряя связи с „другими”. Точки зрения обоих писателей Л.А. Мальцев разъясняет и иллюстрирует, показывая их отношение к проблеме совести в *Преступлении и наказании* Ф.М. Достоевского. Гомбрович выстраивает концепцию „зеркальной совести”. Соглашаясь с Шестовым в том, что Раскольников не обладал изначально осознанием собственной преступности, польский писатель видит в вопросе не конфликт совести традиционной и „сверхчеловеческой”, а проблему „моральной инстанции”, которой являются другие люди, то есть совесть в данном случае рассматривается не как явление внутрочеловеческое, а „межчеловеческое”.

Для исследователей, занимающихся польской литературой, безусловно, притягательной является перспектива выявить не только то общее, что связывает объект их исследования с литературой родной, русской, но и попытка определить место, занимаемое „русскими” мотивами в творчестве польских писателей. Одну из сторон данной проблемы раскрывает И. Лаппо в статье *Россия в зеркале современной польской драматургии* (БФК 2003, № 2). В качестве объектов исследования он выбирает пьесы двух польских драматургов XX века: *Любовь в Крыму* Славомира Мрожека и *Четвертую сестру* Януша Гловацкого.

Отмечая тот факт, что обе пьесы были инспирированы творчеством Чехова (прямые реминисценции, позаимствованные персонажи, аллюзии, прямые и скрытые цитаты), И. Лаппо, опираясь на исследования польских филологов и высказывания самих авторов, отвергает мысль о подражании Чехову, и говорит лишь о созвучии с его творчеством, которое преследует определенную цель.

Хотя местом действия пьес является Россия, авторы используют польские реалии, помещая в них русские образы. Таким образом, как замечает автор статьи, изучаемые пьесы не отображают русскую действительность, а уж тем более не осмеивают её, а представляют собой взгляд со стороны на действительность польскую. Это еще явственней заметно в связи со значительными трудностями при отображении русских чеховских реалий на польской сцене („на польской сцене Чехов зависает в социологическом вакууме”¹², пишет И. Лаппо, приводя большое количество таких элементов, непереводаемых на язык польских реалий и образов).

¹² И. Лаппо, *Россия в зеркале современной польской драматургии*, „Балтийский филологический курьер” 2003, № 2, с. 240.

Важный вопрос, которым задается И. Лаппо в своей статье, заключается в следующем: чем объясняется настолько тенденциозный, стереотипный набор мотивов, образов, символов в обеих пьесах? При прочтении пьес легко заметить, что они действительно представляют собой компиляцию Чехова и классических стереотипов, касающихся русских. Задаваясь данным вопросом, и начиная с, казалось бы, наиболее естественных объяснений (как то, например, что Мрожек и Гловацкий не отличались обширными знаниями на тему русской жизни и культуры, а имели лишь приблизительное, стереотипное представление о них), автор постепенно опровергает их и приходит к окончательному выводу.

В качестве ответа им приводится, прежде всего, цитата взятая у польского русиста Анджея Дравича: „*Любовь...* растянутая во времени перифраза, а восприятие перифразы требует, чтобы она переключалась с образами, закрепленными в сознании”¹³. То, что происходило на сцене, не должно было, как мы это понимаем, отвлекать своей излишней „экзотичностью” зрителя от самого важного. Пьесы, следовательно, не являются отражением русской жизни, а играют роль „зеркала”, смотрясь в которое зритель должен увидеть свое собственное на фоне чужого. Кроме того, мы находим, что символика пьес, строящаяся на ассоциативном ряде „Россия – алкоголь – драка – тоска – неосознанное стремление в никуда” (а в *Четвертой сестре* еще и проституция) приобретает двойное значение. Если наличие данных черт в народе – проблема самого народа, то восприятие этого народа соседями, построенное исключительно на простых, не требующих анализа и размышления образах – беда самих соседей.

Огромный интерес представляют комментарии И. Лаппо, касающиеся постановок *Любви в Крыму* и *Четвертой сестры* как в Польше, так и в России. Что касается первого, автор отмечает успех, с которым шли себе постановки, сожалея, однако, что „смех преимущественно венчал реплики, содержащие русский мат”¹⁴, и что „складывалось впечатление, что публика смеялась над русскими”¹⁵. Все это дает И. Лаппо основание утверждать, что в Польше „никому не пришло в голову увидеть в *Любви в Крыму* собственный портрет”¹⁶, а, следовательно, замысел драматургов был не вполне осознан соотечественниками.

¹³ Ibidem, с. 241.

¹⁴ Ibidem, с. 244.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

Помимо всего прочего, каждый номер БФК включает в себя раздел „Рецензии. Обзоры. Хроника”. Во втором номере мы можем прочесть обзор очередного номера исследования „Acta Polono-Ruthenica” (Ольштын, Польша), посвященный белорусско-польско-украинским культурным связям. Так же следует отметить статью *Россия и Польша: книги и юбилей*, так же авторства Л.А. Мальцева, посвященную книгам, изданным Варминско-Мазурским Университетом (Ольштын, Польша) и сотрудниками ИС РАН к юбилею видных ученых-филологов, профессора ВМУ в Ольштыне Базыля Бялокозовича и русского полониста профессора Виктора Александровича Хорева, заместителя директора Института Славяноведения РАН. В пятом номере БФК значимое место занимает статья *Новая книга Базыля Бялокозовича*, рецензия Л.А. Мальцева на „новый том «толстоведческой трилогии» профессора Бялокозовича *С польской страницы Льва Толстого*. Завершает на сегодняшний день ряд крайне интересных, содержательных обзоров еще одна статья Леонида Алексеевича Мальцева *Еще одна книга наших соседей*. Статья является обзором восьмого тома научной серии компаративистских трудов *Польша и восточные соседи*, выпускаемой славистами Университета в Жешуве (Польша), здания, которое имеет очень важное значение для реализации «концепции взаимности между славянскими и в целом европейскими народами»¹⁷

Подводя итоги, хотелось бы, прежде всего, отметить, что то внимание, с которым калининградские литературоведы следят за новинками в мире польского литературоведения, а также тот факт, что эти новинки встречаются с немедленным отголоском в виде рецензий и обзоров, свидетельствует о неугасающей заинтересованности и неразрывной связи литературных миров двух славянских народов. В современном мире проблема налаживания связей между двумя народами, сглаживания противоречий и разрешения взаимных конфликтов остается актуальной, и литература, по нашему мнению, призвана сыграть в этом процессе одну из ключевых ролей.

Что же касается того пласта польской литературы, который наиболее интересует калининградских исследователей – он широк и узок одновременно. Прежде всего, интерес вызывает фигура Адама Мицкевича, в первую очередь, как поэта, провозглашавшего духовное единство славян,

¹⁷ А. Мальцев, *Еще одна книга наших соседей*, „Балтийский филологический курьер” 2009, № 7, с. 401.

и, во вторую очередь, как польского аналога нашего А.С. Пушкина, что дает возможность для обширных сравнительных исследований. Интерес вызывает польская литература XX века, особенно в точках ее пересечения с русской литературой того же периода. Целью исследовательских работ часто является попытка ответа на вопрос о степени преемственности двух литератур, инспирированности одной через другую, поиск общего и различного. Немалое значение, когда мы говорим об интересе к творчеству, например, Збигнева Херберта, имеет общность исторического опыта, и попытка его переосмысления. Что закономерно, много времени уделяется анализу русского мотива в польской литературе.

Однако, в стороне от исследовательских троп остались темы с большим потенциалом, имеющие немалое значение для развития польско-русских отношений, мало освещенные не только в калининградском, но и в российском литературоведении, актуальные и новаторские.

В качестве примера можно привести современную польскую литературу, которая пока остается на страницах БФК *terra incognita*. Мало изучена, а то и вовсе почти не исследована польская литература периода *Колумбов* – польского „потерянного поколения”, военная и оккупационная литературы (например, Кшиштоф Камиль Бачинский), послевоенная польская драматургия (Тадеуш Ружевиц), литература концлагерей и ГУЛАГ-ов, (Т. Боровский, Г. Херлинг-Грудзинский). В связи с событиями последнего десятилетия, интерес для русских литературоведов представлял бы, как нам кажется, образ России в современной польской литературе. Мы надеемся, что статьи, освещающие исследования этих и других, до сих пор незатронутых, тем в скором времени появятся на страницах БФК.

Как мы видим, страницы „Балтийского филологического курьера” служат лучшим доказательством того, как многое сделано нашими филологами, в том числе, в области исследования польской литературы. Многое еще предстоит сделать. И мы надеемся, что БФК и дальше будет служить оплотом филологической мысли Калининградской области и РГУ им. И. Канта, полезным и интереснейшим подспорьем, адресованным „студентам, аспирантам, преподавателям филологических специальностей университетов”.

Streszczenie*Polska literatura w „Bałtyckim Kurierze Filologicznym”*

Niniejszy artykuł stanowi przegląd artykułów dotyczących literatury polskiej, opublikowanych w latach 2000–2009 w „Bałtyckim Kurierze Filologicznym” – czasopiśmie naukowym poświęconym problemom współczesnej filologii (Kaliningrad, Rosyjski Uniwersytet Państwowy im. I. Kanta, pod red. prof. W.I. Greshnych i innych).

Summary*Polish literature in the “Baltiyskiy Filologicheskiy Kuryer”*

This article provides an overview of articles devoted to Polish literature, published in 2000 to 2009 in the “Baltiyskiy Filologicheskiy Kuryer” – a scientific journal dedicated to problems of modern philology (Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, edited by prof. W.I. Greshnych and associates).